

DOI 10.31250/2618-8619-2025-2(28)-193-203

УДК 069.5:39

Антон Кириллович Салмин

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-1072-9933
E-mail: antsalmin@mail.ru

Научно-музейная деятельность МАЭ РАН по репрезентации чувашского культурно-исторического наследия

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется, как в научно-музейной деятельности МАЭ РАН репрезентируется и исследуется тематика, связанная с историей и культурой чувашского народа. В XXI в. активизировалась деятельность музея по выявлению, изучению, публикации и популяризации чувашских коллекций, к настоящему времени практически полностью введены в КАМИС коллекционные описи чувашских предметов. Особое внимание в статье уделяется деятельности В. В. Радлова как директора МАЭ и исследователя чувашского языка и народа. Всего в МАЭ РАН представлено 27 коллекций, включающих предметы чувашской культуры и иллюстрации; общее количество, по уточненным данным, составляет 317 единиц хранения. Самое раннее поступление в музей рассматриваемых предметов связано с академической экспедицией П. С. Палласа в центральные губернии России, районы Поволжья, Урала, Западной Сибири, Алтая и Забайкалья, во время которой был собран уникальный материал по этнографии населяющих эти регионы народов. Во многих случаях информацию об экспонатах удалось уточнить и дополнить в архивах Санкт-Петербурга. Так, оказалось, что тряпичные куклы *Йёрёх* из коллекции МАЭ № 347 были собраны в населенных пунктах, расположенных по течению р. Булы, следователем Буинского уезда Симбирской губернии В. И. Андреевским. До сих пор ведутся дискуссии по поводу экспонатов, поступивших после 1928 г. от вдовы коллекционера музыкальных инструментов Н. Ф. Финдейзена.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: музеи, коллекции, выставки, МАЭ РАН, чуваш

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Салмин А. К. Научно-музейная деятельность МАЭ РАН по репрезентации чувашского культурно-исторического наследия. *Кунсткамера*. 2025. 2 (28): 193–203. DOI 10.31250/2618-8619-2025-2(28)-193-203

Anton Salmin

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-1072-9933
E-mail: antsalmin@mail.ru

Scientific and Museum Activities of the MAE RAS on Representation of the Chuvash Cultural and Historical Heritage

ABSTRACT. The article analyzes how the scientific and museum activities of the MAE RAS represent and explore the themes devoted to the history and culture of the Chuvash people. The 21st century saw an increased activity of the museum in the areas of unearthing, studying, publishing, and popularizing its Chuvash collections. By now the collection inventories of Chuvash objects have been almost completely digitized and organized into a unified, comprehensive computer database. The author draws particular attention to the work of V. Radlov, director of the museum and a renowned scholar of the Chuvash culture. In total, there are 27 collections in the MAE RAS, including objects of Chuvash culture and illustrations. The overall number, according to revised data, is 317 items. The earliest museum Chuvash item originates from the academic expeditions of Peter Simon Pallas. In many cases, the information about the exhibits was verified and expanded in the archives of St. Petersburg. For example, it was discovered that the *Yerekh* rag dolls from Collection № 347 had been collected in settlements down the Bula river by V. Andeievsky, an investigator of the Second Department of the Buinsky Uyezd in the Simbirsk province. Academic debates over the origins of some of the items acquired by the museum after 1928 from the widow of the musical instruments collector N. Findeizen, are still ongoing.

KEY WORDS: museums, collections, exhibitions, MAE RAS, Chuvash

FOR CITATION: Salmin A. Scientific and Museum Activities of the MAE RAS on Representation of the Chuvash Cultural and Historical Heritage. *Kunstkamera*. 2025. 2 (28): 193–203. (In Russian). DOI: 10.31250/2618-8619-2025-2(28)-193-203

В Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, являющемся колыбелью этнографической науки, хранятся коллекции по многим народам, в том числе чувашам. Первая коллекция образцов чувашской одежды поступила в музей в результате Сибирской экспедиции (1719–1727) Д. Г. Мессершмидта (1685–1735). Назовем также таких известных исследователей, как Г. Ф. Миллер (1705–1783), И. Г. Гмелин (1709–1755), И. Г. Георги (1729–1802), И. И. Лепехин (1740–1802), П. С. Паллас (1741–1811), А. А. Куник (1814–1899), В. В. Радлов (1837–1918) — все внесли неоценимый вклад в пополнение и изучение музейных коллекций по чувашам.

В XX в. сотрудники МАЭ также уделяли внимание исследованию истории и культуры чувашского народа. Так, в 1972 г. заведующая отделом этнографии народов Америки Г. И. Дзенискевич опубликовала фундаментальную статью «К вопросу о культе йереха у чувашей» (Дзенискевич 1972). О. П. Вовина (дочь знаменитого чувашского этнографа П. В. Денисова), работавшая в отделе этнографии восточных славян и народов Европейской России, занималась в основном историей изучения чувашского народа в XIX в.

Особое место в истории изучения темы занимают чувашские коллекции (МАЭ № 160, 347, 1040, 1280 и др.) из фондов Европы МАЭ РАН. В ходе работы над выявлением, изучением и введением данных в КАМИС была описана 1 тыс. единиц хранения. Затем данные были скорректированы и дополнены информацией из архивных источников и публикаций. Аналитические выводы, полученные в процессе этой работы, частично изложены в настоящей публикации. Музеем при моем участии был организован и проведен ряд выставок (в том числе в других учреждениях). Всего за последние два десятилетия опубликовано 26 статей по чувашским коллекциям МАЭ РАН (Лаврентьева, Салмин 2008; Салмин, Терюков 2010; Салмин 2018 и др.).

ЧУВАШСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ В ФОНДАХ МАЭ РАН

Актуальность исследования коллекций из фондов Европы МАЭ РАН продиктована необходимостью создания полного каталога, который содержал бы описание коллекций по чувашам, для научных, архивных и музейных работников. Такой каталог будет востребован, прежде всего, исследователями из других регионов, которые не могут часто и подолгу бывать в Санкт-Петербурге. Кроме того, нередко, даже зная название архивного или музейного дела, сложно найти нужный материал, пока не ознакомишься с томом полностью. К тому же ни в одном архиве Санкт-Петербурга нет специального каталога, содержащего исчерпывающую информацию по чувашам. Попытки составить этнический и региональный каталоги по музеям и архивам Санкт-Петербурга предпринимались (например: Kistemaker et al. 2005), однако ни одна из них не имеет прямого отношения к рассматриваемой теме. В связи с этим в статье дан краткий анализ коллекций МАЭ, содержащих материалы по чувашам.

Музей обладает уникальной и в то же время почти не изученной антропологической коллекцией по чувашам и археологическим памятникам Чувашии. В ней представлен остеологический материал из раскопок П. П. Ефименко 1926–1927 гг. в Чувашской АССР (из могильников абашевской культуры, степной культуры эпохи бронзы и IV–VI вв. н. э. и могильников XVII–XVIII вв.). Состав коллекции — неполные костяки с черепами и без черепов, отдельные черепа и кости. Из отчета профессора П. П. Ефименко можно сделать вывод, что на территории некоторых городищ, выявленных по пути маршрута экспедиции, почти не были обнаружены следы жилья. Находки на них, по признанию руководителя экспедиции, при систематической разведке всегда были скудными и случайными. В большинстве они состояли из обломков глиняной посуды грубой формовки и обжига, не имевших орнаментов, а также монет XVIII–XIX вв.

Монеты П. П. Ефименко связывал с *киреметищами*, некогда существовавшими на городищах. Такие святилища нередко встречаются в самых глухих, лесистых, недоступных местах, вдоль ручьев и мелких притоков более крупных рек края. По мнению П. П. Ефименко, они являлись

временным убежищем на случай военной опасности и были оставлены оседлыми чувашами в эпоху до появления русских, т. е. до XVI в. Установление времени создания и распространения *киреметиш* тесно связано с вопросом о расселении чувашского народа.

Материалы, полученные в ходе экспедиций АН СССР в Чувашию, рассредоточены по разным хранилищам: вещи находятся в Национальном музее Чувашской Республики, рукописи — в ИИМК РАН, а антропологические материалы — в МАЭ РАН. К сожалению, чувашская часть антропологической коллекции МАЭ до сих пор не изучена.

О значимости коллекций, отражающих быт и культуру чувашского народа, свидетельствуют первоисточники. Так, в начале 1941 г. И. А. Анисимов-Патмар из д. Яманаки Чувашской АССР прислал в Институт этнографии АН СССР счетные бирки для сбора податей. От имени института собирателю ответил Д. К. Зеленин, отметив в письме: «Все, что касается культуры чувашского народа в его прошлом и настоящем, все это чрезвычайно интересует наш Институт» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 6. Л. 43).

Археологи Т. С. Пассек и Б. А. Латынин сообщали Н. Я. Марру из экспедиции по Чувашии, организованной АН СССР:

Каждое новое место, особенно деревеньки поглуше, дает бесконечное количество интереснейшего материала. Чувашей в целом, со всей обстановкой, в которой они живут, нужно было бы поместить в музей и хранить за стеклом. Под слабым налетом современного и недавнего прошлого они живут своей, глубоко архаической, жизнью. Не знаем, ходит ли центральный исполком, но волостная и по сей день ходит к *керемети*. Думаем, что после поездки нам в работе над Поволжьем многое будет яснее и легче (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. В-732. Л. 2 об.).

Действительно, при анализе тех или иных аспектов истории и этнографии народа ученые стараются следовать первоисточникам и идеям, высказанным предшественниками.

В этой связи следует подчеркнуть вклад директора МАЭ академика Императорской Академии наук Василия Васильевича Радлова в изучение чувашей, в том числе в описание и фиксацию чувашских предметов, вошедших в каталоги МАЭ. Например, в 1891 г. он зарегистрировал коллекцию № 347, включавшую 19 таких предметов, оказавшихся в Русском географическом обществе. Затем эти вещи были переданы в МАЭ. Вклад академика РАН В. В. Радлова в изучение этнографии, языка и культуры чувашей невозможно переоценить. Он написал на немецком языке монографию о древнечувашском языке, однако не успел издать ее. Под его научным руководством был подготовлен очередной том из серии «Образцы народной литературы тюркских племен» под названием «Образцы чувашской народной словесности», который не был опубликован из-за смерти куратора. Особенно ценны наблюдения Радлова, касавшиеся этимологии, фонетики, лексикологии чувашского языка, этнографии и музееведения. Не получила осмысления и его идея, что чуваша — не тюркский, а тюркизированный народ. Исследования академика Радлова по тюркским народам ценны и в сравнительном плане, до сих пор не востребованы его изыскания по остякам, хакасам и тофаларам, которые проливают свет на чувашские традиционные обряды и верования. Поскольку мнение о тюркизации предков чувашей — дискуссионный вопрос, следует сделать краткий экскурс в его историю.

Происхождение чувашского этноса и языка возводили к финнам, булгарам и тюркам. Отмечалось родство чувашского языка с языками народов Кавказа, в том числе хазар. Академик В. В. Радлов и другие языковеды (Вильгельм Грёнбек, Густав Рамstedт, Н. Н. Поппе, А. Н. Кононов, Луи Базен и В. Г. Егоров) считали, что чувашский язык в основе не тюркский, а тюркизированный со временем. Памятники рунической письменности, обнаруженные на территории Восточной Европы, свидетельствуют об использовании историческими предками чувашей савирами/суварами этого типа графики. Лексика средневековых источников, представленных в южной части Восточной Европы, перекликается с лексикой современного чувашского языка. Топонимы с компонентом *сувар* встречаются в Южном Азербайджане. Слова, напоминающие чувашские, пред-

ставлены в Армении и Дагестане (*чор/цор* — *сыр* ‘овраг’, *авчи* — *евчѣ* ‘сват’ и др.). Кроме того, в чувашском языке сохранились следы суварско-мадьярских взаимоотношений, сложившихся в южнорусских степях до конца IX в. (*eke* — *ака* ‘плуг’, *szór* — *сăвăр* ‘веять зерно’, *agár* — *акар* ‘гончая собака’).

В дискуссиях, посвященных истории и языку чувашского этноса, обычно ссылаются на его тюркоязычность. Однако языковеды В. Грэнбек, В. В. Радлов, Г. Рамstedт, Н. Н. Поппе, А. Н. Кононов и Л. Базен справедливо считали, что исконно чуваша — это не тюрки, а тюркизированный народ. Поппе в этой связи использовал термин «чувашско-тюркские языки» (*Chuvash-Turkic Languages*) (Poppe 1971).

Крупнейший ученый, участвовавший в этой дискуссии, академик В. В. Радлов признавал обоснованным мнение о наличии чувашских слов в надписях на надгробных памятниках, расположенных на территории бывшей Волжской Булгарии, но не соглашался с высказываниями Н. И. Ильминского и других о близости (родстве) древнечувашского и татарского языков. Радлов считал, что чувашский язык в результате многовекового соседского и дисперсного проживания чувашей и тюркских народов постепенно принимал «тюркский облик». Более того, под влиянием арабов население Булгарии все больше исламизировалось (Труды... 1884: XLII–XLIII). В 1871–1884 гг. в Казани В. В. Радлов усердно изучал чувашский и черемисский языки, используя для этого литературу, общение со знатоками этих языков и живую среду. Весьма примечательно, что тюрколог Радлов не причислял чувашей к исконно тюркским народам, но об этих взглядах ученого почти не упоминается. В то время как в его работе “*Alttürkische Studien*” отмечается, что первооснова чувашского языка, несомненно, нетюркская (СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 1. Д. 30. Л. 6–9). Также в классификации тюркских диалектов (языков), составленной Радловым, «не упоминаются ни чувашский, ни якутский языки, так как носители этих языков, по его мнению, не тюрки, а тюркизированные племена» (Кононов 1982: 211).

В частности, академик Радлов писал по этому поводу:

Свои впечатления, которые сложились у меня в ходе изучения отношения чувашского языка к тюркским языкам, я вкратце изложил в *Phonetik*. И я теперь считаю, что мое предыдущее мнение подтверждается шаг за шагом. Чувашский язык, как и якутский, первоначально был не тюркский, он стал тюркским со временем (СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–2).

Хотя Радлов и не указывает дату тюркизации чувашей, очевидно, что это явление восходит к образованию Тюркского каганата, но не ранее конца VII в. В это время исторические предки чувашей — савиры — обитали на Кавказе, а передовые отряды тюркоязычных воинов в 670-х гг. достигли пределов Северного Кавказа. Основные этапы тюркизации пришлись на эпоху Казанского ханства и более позднее время. Следует отметить, что процесс тюркизации и татаризации продолжается и сегодня.

После скрещения предков чуваш с тюрками чувашский язык освоил тюркский грамматический строй и тюркский основной словарный фонд и стал развиваться по внутренним законам тюркских языков. Что касается дотюркского словарного фонда и грамматических форм, то они постепенно отмирали и от них до настоящего времени сохранились только жалкие остатки — единичные лексические и грамматические элементы (Егоров 1953: 77).

Такова краткая история происхождения чувашей и чувашского языка. Резюмируя, можно сделать вывод, что исторические предки чувашей не были тюркоязычными, но со временем они были тюркизированы. Этот процесс получил развитие на Среднем Поволжье с середины XIII в. — с нашествия монголо-татарских войск и образования Казанского царства/ханства, когда вся административная и социально-политическая власть в регионе была сосредоточена в руках казанских татар.

Несмотря на реалии, многие гуманитарии (прежде всего языковеды) придерживаются мнения, которое было популярно в XIX–XX вв., т. е. продолжают считать, что чуваша — это бул-

гары, а чувашский язык восходит к болгарской группе. Не вызывает сомнений тот факт, что чувашский язык сохранил рудименты савиро-суварского и болгарского языков, поскольку с исламизацией болгар (и впоследствии казанских татар) и их кыпчакизацией болгарский язык перестал существовать. А савиро-суваро-чуваши, соседи болгар, а затем и казанских татар, в процессе ассимиляции сохранили в своем языке рудименты болгарского языка. Немногочисленные болгарские слова и словоформы встречаются также в языках соседних народов — марийском и мордовском.

Возвращаясь к исследованию фондов Европы МАЭ РАН, следует упомянуть коллекцию МАЭ № 1040. В ней хранятся антропоморфные фигурки чувашского божества *Йёрёх*, переданные в музей собирателем из Самарской губернии Т. Е. Завражновым. Его заслуги были отмечены на заседании Историко-филологического отделения Императорской Академии наук, которое состоялось 6 сентября 1906 г.:

Академик В. В. Радлов довел до сведения Отделения, что крестьянин Самарской губернии Бузулукского уезд, Старотепловской волости, села Новой Тепловки, Тимофей Егорович Завражнов представил в дар Музею антропологии и этнографии имени императора Петра Великого весьма ценную коллекцию чувашских идолов и костюмов, собранную им со знанием дела. Считая полезным поощрить его для дальнейшей работы в интересах этнографии и Музея, академик В. В. Радлов просил ходатайства Отделения о вознаграждении его большой серебряной медалью на шею. Положено сообщить об этом Правлению для возбуждения соответствующего ходатайства (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1906). Д. 153. Л. 353).

Была ли эта просьба Радлова исполнена, неизвестно. Но сохранилось письмо собирателя к академику (входящий № 91 в канцелярии завизирован 21 ноября 1906 г.).

Милостивый государь Василий Васильевич! Как Вам уже известно, я Вам представил в музей императора Петра Великого некоторые коллекции, и при которых Вы кратко просили меня представить Вам еще самых древних и по возможности *урихов*, при этом уведомляю Вас, что я в настоящее время нахожу вещей в среде чуваш очень даже редкостных, но только очень трудно их достать и требуют за них большое вознаграждение, да еще поездка очень дорога, т. е. более рубля на день, так как, вероятно, Вам самим известно, что в наших местностях большой неурожай <не-разб.> скот наших <неразб.> правительство так, вот если же Вам нужны вещи и чтобы я их собирал, то прошу, благоволите прислать на первый случай, на сбор вещей средства по Вашему усмотрению. Остаюсь навсегда покорный Ваш слуга [подпись]. Адрес: Бузулук Сам. губ. в Старо-Тепловскую волость, с. Ново-Тепловка Тимофею Егорову Завражнову СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 58. Л. 162–163, 166).

В этом документе имеется любопытная деталь. Лист содержит четыре разных почерка: 1) дата поступления письма; 2) входящий номер письма; 3) текст письма и 4) подпись. Текст письма и адрес написаны одним человеком, более или менее грамотным для сельской местности того времени. А вот подпись, несомненно, принадлежит самому собирателю. И в подписи, и в адресе фамилия собирателя читается четко: «Завражнов». Таким образом, вопреки тому, что во всех исследованиях, а также в описи поступившей коллекции значится «Завражнев», фамилия собирателя была «Завражнов».

Видимо, Тимофей Егорович больше не присылал вещи в МАЭ, однако его коллекции имеются также в РЭМ.

В 1907 г. Т. Е. Завражнов приехал в Петербург в качестве доверенного лица с целью покупки земли при помощи Крестьянского поземельного банка. Он зашел в МАЭ, где предложил приобрести у него старинные вещи. Кроме того, в Петербурге Завражнов встретился с академиком А. А. Шахматовым, который описал собирателя так: почтенный старик родом из мордовского (эрзянского) села Новая Тепловка Бузулукского уезда Самарской губернии (Шахматов 1909).

А. А. Шахматов записал у него несколько мордовских сказок и договорился с ним о записи народных песен и преданий на родине. Т. Е. Завражнов сдержал свое обещание.

Весомый вклад в изучение чувашского народа внес антрополог, доктор географических наук Б. Н. Вишневский (1891–1965), опубликовавший ряд работ по антропологии чувашей (1925; 1928; 1929). С 1923 г. — ученый хранитель МАЭ, затем заведующий новым отделом антропологии. В 1927 г. при МАЭ по инициативе Вишневского было создано Бюро по антропологическому изучению групп крови народов СССР и организованы первые экспедиционные сборы этих данных в Чувашии.

Большое место в фондах занимают фотографии, снятые в 1934 г. старшим научным сотрудником сектора Поволжья Музея народов СССР П. В. Озеровым во время экспедиции в Чувашию (в основном в нынешний Канашский район). Ему принадлежит ряд публикаций, посвященных чувашам (например: Озеров 1930а; 1930b). Часть его экспедиционных коллекций хранится в РЭМ.

Фонды МАЭ РАН включают вещевые и иллюстративные коллекции, которые охватывают период с 1768 по 1999 г. Всего в фондах музея представлено 27 коллекций предметов чувашской культуры, содержащих 317 единиц хранения, из них чувашских предметов — 108, иллюстраций — 209. Также следует учитывать антропологические предметы (более 1 тыс.).

Многие вещи и фотографии из чувашских коллекций (среди них негативы на стекле и пленки широкого формата) уже атрибутированы. Но некоторые вещи и фотографии требуют уточнения. В описях предметов, составленных собирателями или регистраторами, встречаются искаженные термины, например *писихи* вместо *пи́сихи* ‘пояс’.

Самые ранние поступления чувашских предметов в музей датируются XVIII в. В этот период в Кунсткамере значительную ценность представляли коллекции по народам Поволжья, прежде всего коллекция профессора П. С. Палласа. Его экспедиционный маршрут пролегал через Поволжье, Оренбуржье, Приуралье и ряд регионов Сибири. Помимо уникальных сведений о городах, селениях, типах жилища, одежде, занятиях, обычаях и верованиях различных народов, Паллас приобрел интереснейшие собрания, характеризующие различные стороны культуры и быта народов Поволжья, в том числе чувашей (Паллас 1773).

Имена собирателей большей части предметов, к сожалению, неизвестны. Есть, однако, редкие исключения. Так, в описи (МАЭ № 347-130, 129) сохранилась записка В. И. Андреевского, составленная в июне 1876 г.:

Чувашские куклы приобретены мною за 20 коп. серебром в 1875 г. в Симбирской губернии Буинского уезда в д. Чепкас-Ильметево (чуваша и татары) от чувашской девочки лет 10 отроду, которая сделала их для себя сама.

По архивным данным (СПбФ АРАН. Ф. 95. Оп. 4. Д. 4. Л. 2–3) установлено, что некоторые материалы коллекции МАЭ № 347 были собраны в 1870-х гг. бывшим судебным следователем второго участка Буинского уезда Симбирской губернии В. И. Андреевским в населенных пунктах, расположенных по течению р. Булы. Затем он подарил их Русскому географическому обществу. Возможно, и другие вещи из коллекции МАЭ № 347 имеют то же происхождение.

По этикеткам из РГО удалось установить фамилии еще двух собирателей: В. П. Юрлов (сотрудник РГО, который в 1867 г. доставил коллекции из Симбирска) и В. А. Подгурский из Нижегородской губернии, представивший гусли.

Концом XIX в. датируется коллекция, поступившая от студента Санкт-Петербургского университета В. Р. Ренненкампа, в которой в числе 30 предметов представлены и чувашские. Весьма интересна биография Владимира Романовича фон Ренненкампа (Woldemar Victor Edler von Rennenkampff, 1873, Санкт-Петербург — 1945, Мюнхен). Представитель обрусевшего дворянского рода остзейских немцев православного вероисповедания, после окончания Ларинской гимназии в 1893 г. он учился в Императорском Санкт-Петербургском университете, первые два года — по естественному разряду физико-математического факультета, потом — на арабском отделении

факультета восточных языков. Университет не окончил — выбыл 21 апреля 1897 г. Владел заводом по переработке торфа.

От известного собирателя Федора Адамовича Вишневого в 1908 г. в музей поступил комплект женской одежды из Хвалынского уезда Саратовской губернии (рис. 1, см. вклейку), в 1924 г. — набор бирок с тамгами и цифрами.

Чувашские коллекции МАЭ пополнил тремя музыкальными инструментами известный коллекционер Н. Ф. Финдейзен. Также следует отметить записку от художника Василия Ивановича Фролова, хранящуюся в описи коллекции № 5843, в которой упоминается всего один предмет — женский головной убор *сурпан* низовых чувашей.

Огромную ценность представляют материалы антропологических экспедиций, например, коллекция, поступившая в 1927 г. в МАЭ из Государственной академии истории материальной культуры.

В фотоиллюстративном собрании следует обратить особое внимание на коллекцию А. А. Ходосова (материалы экспедиции в Аликовский район), а также на фотографии Н. И. Гаген-Торн (одежда, жилище).

На фотографии (рис. 1), приобретенной МАЭ в 1885 г. у приемного сына Вильяма Каррика, Григория Васильевича Каррика, изображены две босые девочки с шейными украшениями из монет. По поводу этой фотографии в Интернете разгорелась дискуссия: одни считают, что она представляет чувашский народ в невыгодном свете, показывая нищету и антисанитарию, другие, наоборот, указывают на духовное и материальное богатство народа.

Рис. 1. Чувашские дети Симбирской губернии. 1871 г.
Фото В. Э. Каррика. МАЭ № 160-235

Fig. 1. Chuvash children of the Simbirsk province. 1871.
Photograph by W. E. Carrick. MAE No. 160-235

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Коллекции по чувашскому народу в XXI в. формировались и пополнялись согласно плану научного и музейного развития МАЭ РАН. Кроме того, тематика, посвященная истории и культуре чувашей, в музее получила развитие в таких проектах, как издание научных монографий, статей и каталогов, организация выставок, выступление с докладами и лекциями, съемка документальных фильмов и др. Отметим лишь наиболее значимые из них.

2 ноября 2022 г., в день провозглашения Российской империи (2 ноября 1721 г.), в МАЭ РАН состоялось открытие постоянной экспозиции «Имперский зал: Многонародная Россия», которая была организована при поддержке ПАО «Газпром». Экспозиция представляет 23 оригинальных этнических костюма из фондов МАЭ РАН, в том числе костюм саратовских чувашей.

В 2019 г. в Санкт-Петербургском Доме национальностей открылась фотовыставка «Время наших отцов и дедов», приуроченная к 100-летию образования Чувашской автономной области, на которой были представлены материалы из фондов МАЭ РАН. Фотографии отражают повседневную жизнь чувашей XVIII–XX вв., рассказывая о населенных пунктах, строениях и быте средневожской деревни.

В 2005 г. в МАЭ РАН прошла выставка «Мир одного предмета», здесь было представлено богатое женское украшение *ама*, состоявшее почти из 200 российских, испанских и польских серебряных монет 1762–1938 гг. Этот экземпляр поступил в музей из Аликовского района Чувашии.

Проводились и другие значимые мероприятия, раскрывающие историю и культуру чувашского народа. В частности, можно упомянуть выход четырех монографий автора статьи: «Система религии чувашей» (2007), «Традиционные обряды и верования чувашей» (2010), «Академические исследования этнической самобытности чувашского народа» (2022) и «Этническая история чувашей на савиро-булгарском перепутье» (2024). Помимо теоретических рассуждений, в книгах проанализирован вещественный материал из фондов музея.

В целом можно заключить, что в МАЭ РАН активно исследуется и осмысливается проблематика, связанная с историей и культурой чувашского народа.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук
КАМИС — комплексная автоматизированная музейная информационная система описи
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
РГО — Русское географическое общество
РЭМ — Российский этнографический музей
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1906). Д. 153. Протоколы заседаний общего собрания Императорской Академии наук. 1906.
СПбФ АРАН. Ф. 95. Оп. 4. Д. 4. Андреевский В. И. Заметка о чувашской народности. 1875–1890.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 58. Письма, полученные МАЭ РАН. 1906–1908.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 6. МАЭ, отдел Европы.
СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 1. Д. 30. Radlow W. W. *Altürkische Studien*. VII [Phonetik, Morphologie und Schlußfolgerung. Zweite Auflage. Der Inhalt wurde im Ural-Altai-Kreis gemeldet. Nicht veröffentlicht]. 1916. 97 Blätter.

СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 1. Д. 33. Radlow W. W. Studie der Grammatik der Chuwaschsprache. 1916–1918. 35 Blätter.

СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. В-732. Март Н. Я. Письма от Т. С. Пассек. 1925–1931.

Вишневский Б. Н. Новый способ расовой диагностики в применении к чувашам // Доклады Академии наук СССР. Сер. А. 1925. Октябрь. С. 127–130.

Вишневский Б. Н. Материалы для изучения групп крови у народов СССР // Доклады Академии наук СССР. Сер. А. 1928. № 5. С. 79–84.

Вишневский Б. Н. Антропологическое изучение чуваш. К отчету по исследованиям 1927 года // Чувашская республика. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. Сб. 1: Предварительные итоги работ Чувашской экспедиции Академии наук СССР по исследованиям 1927 г. С. 229–252. (Материалы Комиссии экспедиционных исследований; вып. 10: серия чувашская).

Дзенискевич Г. И. К вопросу о культе йереха у чувашей // Из культурного наследия народов России / отв. ред. Л. П. Потапов. Л.: Наука, 1972. С. 221–236. (Сборник МАЭ; т. 28).

Егоров В. Г. К вопросу о происхождении чуваш и их языка // Записки Науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории при Совете министров Чувашской АССР. 1953. Вып. 7. С. 64–91.

Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. 2-е изд., доп. и испр. Л.: Наука, 1982. 360 с.

Лаврентьева Л. С., Салмин А. К. Коллекции МАЭ РАН: Чуваша (опыт каталога) // Коллекции отдела Европы: Выставочные проекты. КATALOGИ. Исследования / отв. ред. А. А. Новик. СПб.: Наука, 2008. С. 109–135. (Сборник МАЭ; т. 54).

Озеров П. В. Краеведение в Чувашской АССР и Марийской автономной области // Советское краеведение. 1930а. № 1–2. С. 77–82.

Озеров П. В. Первый съезд Общества по изучению чувашской культуры в Москве // Советское краеведение. 1930b. № 6. С. 20–24.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи: в 3 ч. / пер. с нем. яз. СПб.: Имп. Академия наук, 1773. Ч. 1. 657 с.

Салмин А. К. Рубаха № 766-1 из фондов МАЭ РАН и гравюры XVIII–XIX веков // Центр и периферия. 2018. № 4. С. 56–59.

Салмин А. К., Терюков А. И. Первая музейная коллекция одежды народов Волго-Камья в Кунсткамере Санкт-Петербургской Академии наук // Вестник Удмуртского университета. Сер. «История и филология». 2010. Вып. 3. С. 42–51.

Труды Четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г.: в 2 т. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1884. Т. 1. 652 с.

Шахматов А. А. Из области новейшего народного творчества // Живая старина. 1909. Вып. 2–3 (кн. 70–71). С. 162–177.

Kistemaker R. E., Kopaneva N. P., Meijers D. J., Vilibakhov G. V., eds. The paper museum of the Academy of Sciences in St. Petersburg c. 1725–1760. Introduction and interpretation. Amsterdam: Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, 2005. 344 p. (History of Science and Scholarship in the Netherlands; vol. 6).

Poppe N. Rev.: Kanjukova A. S. Čuvaškaja dialektologija (Kratkie očerki). Čeboksary: Čuvasskoe knižnoe izdatel'stvo, 1965. 148 p. // Ural-Altaische Jahrbücher. Wiesbaden, 1971. Bd. 43. S. 227.

REFERENCES

Dzeniskevich G. I. [On the question of the cult of yerech among the Chuvash]. *Iz kul'turnogo naslediya* [From culture heritage]. Leningrad: Nauka Publ., 1972, pp. 221–236. (Collection of MAE; vol. 28). (In Russian).

Egorov V. G. [On the origin of the Chuvash and their language]. *Zapiski Nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii pri Sovete ministrov Chuvashskoy ASSR* [Notes of the Research Institute of Language, Literature and History under the Council of Ministers of the Chuvash ASSR]. Cheboksary: NIIYaLIE Publ., 1953, iss. 7, pp. 64–91. (In Russian).

Kistemaker R. E., Kopaneva N. P., Meijers D. J., Vilibakhov G. V., eds. *The paper museum of the Academy of Sciences in St. Petersburg c. 1725–1760. Introduction and interpretation*. Amsterdam: Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, 2005, 344 p. (History of Science and Scholarship in the Netherlands; vol. 6). (In English).

Kononov A. N. *Istoriya izucheniya tyurkskikh yazykov v Rossii. Dooktyabr'skiy period* [History of the study of Turkic languages in Russia. Pre-October period]. Leningrad: Nauka Publ., 1982, 360 p. (In Russian).

Lavrent'yeva L. S., Salmin A. K. [Collections of the MAE RAS: Chuvash (an attempt at a catalogue)]. *Kolleksii otдела Yevropy: Vystavochnyye proyekty. Katalogi. Issledovaniya* [Collections of the European department: Exhibition projects. Catalogues. Research]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2008, pp. 109–135. (Collection of MAE; vol. 54). (In Russian).

Ozerov P. V. [Local lore in the Chuvash ASSR and the Mari autonomous region]. *Sovetskoe kraevedenie* [Soviet regional studies], 1930a, no. 1–2, pp. 77–82. (In Russian).

Ozerov P. V. [The first congress of the Society for the study of Chuvash culture in Moscow]. *Sovetskoe kraevedenie* [Soviet regional studies], 1930b, no. 6, pp. 20–24. (In Russian).

Poppe N. Rev.: Kanjukova A.S. *Čuvaškaja dialektologija (Kratkie očerki)*. Čeboksary: Čuvasskoe knižnoe izdatel'stvo Publ., 1965, 148 p. // *Ural-Altaische Jahrbücher* 43. Wiesbaden, 1971, pp. 227. (In English).

Salmin A. K. [Shirt no. 766-1 from the collections of the MAE RAS and engravings of the 18th–19th centuries]. *Tsentr i periferiya* [Center and periphery], 2018, no. 4, pp. 56–59. (In Russian).

Salmin A. K., Teryukov A. I. [The first museum collection of clothing of the peoples of the Volga-Kama region in the Kunstkamera of the St. Petersburg Academy of Sciences]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta: Istoriya i filologiya* [Bulletin of the Udmurt University: History and Philology], 2010, iss. 3, pp. 42–51. (In Russian).

Vishnevskiy B. N. [A new method of racial diagnosis in application to the Chuvash]. *Doklady Akademii nauk SSSR* [Reports of the USSR Academy of Sciences], 1925, ser. A, pp. 127–130. (In Russian).

Vishnevskiy B. N. [Materials for the study of blood groups among the peoples of the USSR]. *Doklady Akademii nauk SSSR* [Reports of the USSR Academy of Sciences], 1928, ser. A, pp. 79–84. (In Russian).

Vishnevskiy B. N. [Anthropological study of the Chuvash. To the 1927 research report]. *Chuvashskaya respublika. Sbornik 1: Predvaritel'nye itogi rabot Chuvashskoy ekspeditsii Akademii nauk SSSR po issledovaniyam 1927 g.* [Chuvash Republic. Collection 1: Preliminary results of the work of the Chuvash expedition of the USSR Academy of Sciences on the research of 1927]. Leningrad: AN SSSR Publ., 1929, pp. 229–252. (In Russian).

Submitted: 01.10.2024

Accepted: 01.04.2025

Published: 10.07.2025

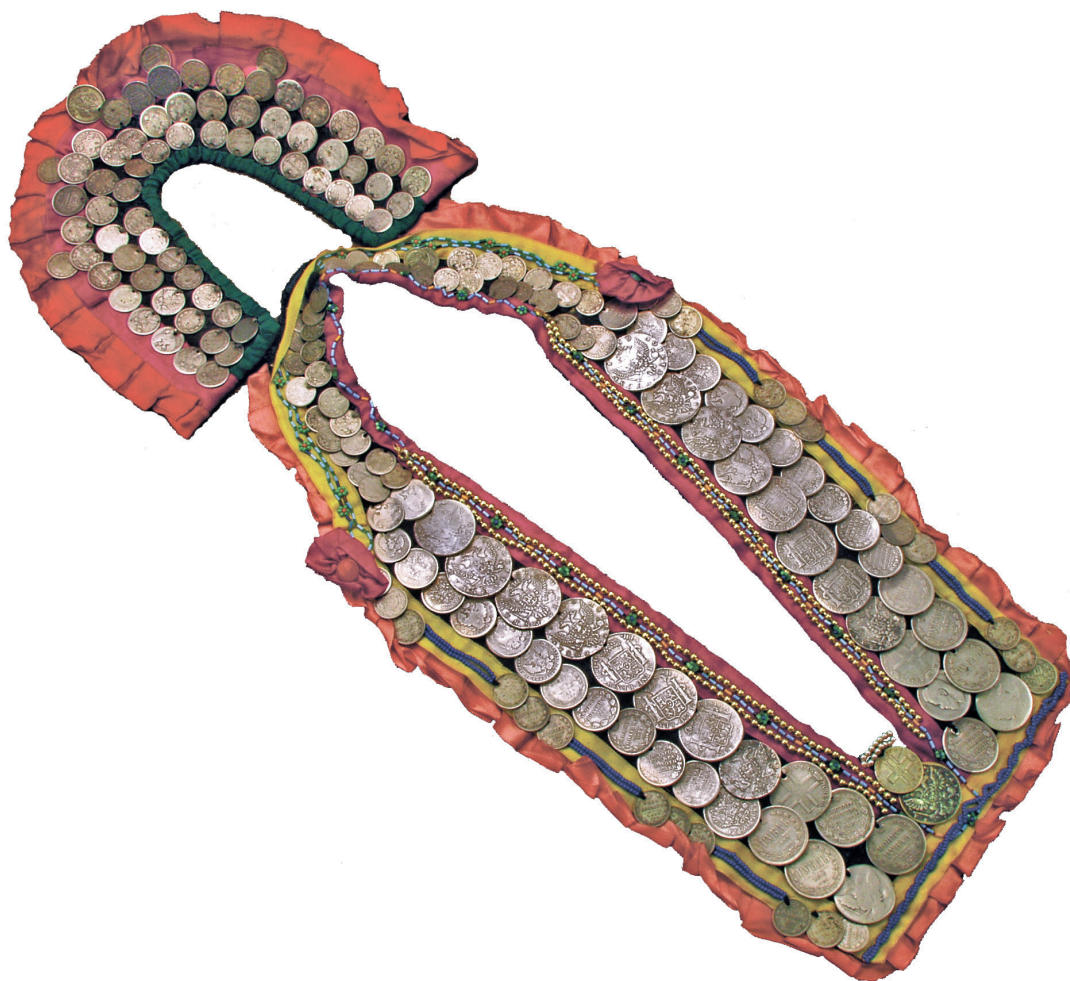

Рис. 1. Чувашское женское комбинированное украшение *ама*. Вторая половина XIX в. С. Шумшеваши Аликовского района Чувашской Республики. МАЭ № 7165-1. Фото С. Б. Шапиро

Fig. 1. Chuvash female combined decoration *ama*. Second half of the 19th century. Shumshevashi village, Alikovsky district, Chuvash Republic. MAE No. 7165-1. Photo by S. B. Shapiro